

Раздел 3 Администрация Вермахта в Житомире

Еду раздают вечером... Вместо того, чтобы отвести нас на кухню, они [охранники лагеря] кричат: «В столовую! Бегом!». Появляются [охранники] и начинают... становятся в ряд с палками, металлическими прутами, резиновые палками и всем чем только можно избить человека. Обычным результатом таких действий является ранения головы, едва не сломанные руки или убийство истощенного и ослабленного узника. Избиения длятся часами.

Мотелье, советский военнопленный,

Житомир, осень 1941 г.

В первые месяцы немецкой оккупации житомирского края в городах и поселках была установлена административная структура, которая по своей иерархии и идеологической направленности оставалась неизменной вплоть до момента окончательного изгнания нацистов из региона в 1944 г. Ее основными чертами, были наличие значительного количества местных коллаборационистов, особое внимание к мерам безопасности, экономическая эксплуатация и системное массовое насилие или «карательные» действия против гражданского населения.

И в военном, и в гражданском управлении регионом центральная, а кое-где и доминирующая роль принадлежала войскам СС под руководством Гимmlера. В структуре военно-оккупационного режима выделялись две административные сферы. Зона боевых действий и непосредственно приближенные к ним территории находились под контролем военных штабов, таких как 6-я армия и ее штабы в тылу. На территориях к западу от этих зон немцы ввели временную администрацию, начальником которой был командующий тыловым районом группы армий «Юг» **генерал Карл фон Рок**, к компетенции которого принадлежал Житомир по состоянию на 16 июля 1941 г.

Местная управленческая иерархия под командованием Рока складывалась из офицеров охранной дивизии и их подчиненных в полевых комендатурах (Feldkommandanturen), городских комендатурах (Stadtkommandaturen) и гарнизонных комендатурах (Ortskommandanturen) [1]. В управлении отдаленными сельскими районами немецкие коменданты полагались на

местных, которых назначали на должности руководителей района, бургомистров и сельских старост [2].

Сначала военные и СС-полиция концентрировали свои силы в наиболее заселенных районах вдоль главных транспортных маршрутов, а также в некоторых городках, богатых на провиант, таких как Радомышль, где все еще действовали большой молокозавод, мясной цех и пивзавод [3]. Больше всего людей в немецкой форме можно было видеть в городах Житомир, Винница и Бердичев, где в июле и августе находились временные штабы 6-й и 17-й армий. Заместитель Генриха Гиммлера, главнокомандующий СС и полиции «Россия-Юг» (Украина) **Фридрих Екельн** и айнзацгруппа С Гейдриха под руководством д-ра **Отто Раша** также разместили свои штаб-квартиры в Бердичеве и Житомире соответственно. В то время как Вермахт устанавливал свои стратегические командные посты в тылу, офицеры СС-полиции переформировывали города и крупные населенные пункты в полицейские округа.

В городе Житомир насчитывалось четыре полицейские округа, в каждом из которых был отдел полиции, где служили три-пять охранников (украинцев) и их немецкие начальники. Отделы СС-полиции, а также уполномоченные по выполнению четырехлетнего плана Геринга помогали армии обеспечивать порядок на только что завоеванных землях и выкачивать как можно больше материальных ресурсов для войск. Дополнительные строительные части и технические подразделения прибывали в тыл, чтобы помочь в этих операциях, а также для восстановления поврежденных мостов, дорог и других объектов.

Полевая комендатура Правления немцев в городах

В Виннице главный полевой комендант Маркулл создал военно-оккупационную администрацию в августе и сентябре 1941 г. Поскольку в это время в рядах работников администрации было очень немного немцев, Маркулл сохранил большинство отделов, существовавших в структуре советской администрации этой области, назначая на руководящие посты фольксдойчей, бывших советских руководителей (украинцев), а также

некоторых специалистов (русских). Среди назначенных им был новый бургомистр Винницы профессор Александр Севастьянов, бывший директор городского медицинского института, который имел русско-украинское происхождение. Маркулл был поражен его образованностью и языковыми способностями: Севастьянов изучал медицину в Германии и хорошо разговаривал на немецком [4]. Заместителем мэра был этнический немец Кезар Бернард.

Немцы выбирали себе помощников на основе разнообразных и случайных критериев, что лишь усложняло и без того нелегкое задание: восстановить изуродованный войной город, от инфраструктуры которого остались только руины. С самого начала, отношения между немецкими оккупантами и их ставленниками были напряженными. Немецкие офицеры жаловались на бездарность украинцев как управленцев и отсутствие в них организационных способностей. Они утверждали, что хотя украинская вспомогательная полиция (служба общественного порядка) была очень полезной, но служащие полиции были ненадежными и часто «неуправляемыми». Украинская полиция, или те, кто выдавал себя за полицаяв, часто прибегали к грабёжам.

Среди немцев и их украинских помощников началась коррупция. Маркулл отмечал, что украинскую милицию нельзя использовать для выполнения частных поручений; ее главными задачами было присматривать за евреями, патрулировать улицы и рынки и охранять военные склады и лагеря [5].

Сотрудничество немецкой армии с украинцами из западной Украины также вносило напряжение. В Виннице начальником украинского персонала был юрист по фамилии Луцкий, прибывший вместе с Вермахтом из западной Украины. Начальником местной украинской администрации немцы назначили политического эмигранта Кухаровского, который был родом из Винницкой области (Литин) и также вернулся вместе с немецкой армией. Армия и СС-полиция использовали политических эмигрантов из западной Украины для чистки старой администрации и формирования новой. У них не было никакого намерения воплощать в жизнь мечты этих эмигрантов о независимости украинского государства. Поэтому в процессе перехода от военной к гражданской администрации, большинство украинских националистов были арестованы, допрошены и посажены.

Скрыть свои националистические симпатии и остаться в системе немецкой администрации после весны 1942 года удалось очень немногим [6]. В первые месяцы военного правления в регионе немцы на самом деле были зависимы от политических эмигрантов необходимых для налаживания управления. Немецкие и украинские руководители обсуждали, каким образом восстановить водо - и электроснабжение и открыть около пятидесяти продуктовых рынков во всех частях города. Они создали отдел пожарной безопасности и наладили обслуживание армии городским транспортом.

Положение с поставками еды было очень затруднительным, хотя благодаря руководителям управления сельского хозяйства и отрядам по сбору продуктов, дневная норма хлеба для не немцев было увеличена до 400 г на одно лицо. Штаб полевого коменданта назначал людей из местного гражданского населения для очистки железнодорожного вокзала и крупного сахарного завода от мусора. По состоянию на конец августа 1941 г. работа почтового отделения, телеграфа и банка было восстановлена, но трамвай и железнодорожный транспорт не работали [7].

Согласно расистским теориям и колониальным намерениям нацистов, этнические немцы должны были занять ведущие позиции в «новом порядке». Но эта политика не было должным образом сформулированы в рамках военной обстановки и отсутствия инструкций по управлению вновь завоеванными территориями. В середине июля 1941 г. командующий тылового района группы армий «Юг» Рок предложил свой собственный план относительно немцев-фольксдойчей. Он приказал не освобождать этнических немцев-военнопленных, поскольку те не согласились на выдвинутое накануне войны предложение о переселении в Германию, и таким образом в расовом плане считались неполноценными [8].

Но подход Рока не был одобрен. Через месяц ему пришлось отменить свой приказ, после того как поступило указание от высшего командования армии об освобождении определенных групп военнопленных, и прежде всего надежных этнических немцев. А тем временем Карл Штумпп (прикреплен к разведке армии) в специальном рапорте на имя Рока отметил полезность этнических немцев в управлении регионом как информаторов и переводчиков. Очевидно, будучи убежденным таким аргументом Штумппа, Рок приказал всем офицерам армии поддерживать «нуждающихся»

этнических немцев путем назначения их на административные должности и учреждения кредитно-заемных программ. Впоследствии армия опубликовала приказ от октября 1941 г. в местной газете «Голос Волини», требуя, чтобы все этнические немцы обратились в отдел по вопросам труда для трудоустройства на военных базах [9].

Когда командующие тыла и их помощники столкнулись с проблемами, которые непременно должны были появиться, такими как недостаток продовольствия и жилья, они решили, что в рамках решения этих проблем необходимо эксплуатировать «ненужные» расовые или политические группы населения. Они возложили обязанность сбора мусора и уборки улиц на евреев и собирали контрибуцию с еврейской общины, поскольку, по утверждению нацистских лидеров, евреи украли много товара и могли обменивать его у крестьян на сельскохозяйственные продукты. Фактически, Маркулл и его окружение полностью устранилось от решения проблем еврейского населения, передав заботу об общине, ее питание и здравоохранение в ведение новообразованного юденрату (зипо-СД уничтожил первый юденрат в начале августа).

Психически больные и инвалиды в Виннице не получали пайков или медицинской помощи. Некоторые из них погибли из-за болезней, связанных с недоеданием, а остальных расстреляли или сделали им смертельные инъекции [10].

Сельские комендатуры

Правление немцев в селах

Постепенно немецкая администрация дошла и до мелких населенных пунктов региона, где немецкие военные командиры установили 25 сельских командных постов (Ortskommandanturen). Как и их коллеги в городах, армейские командиры в селах сосредоточили свое внимание на трех первоочередных направлениях административной деятельности: обеспечение безопасности, обеспечение экономических показателей и создания местной администрации. Прежде всего, военные командиры сообщили населению о том, что оно немедленно должно сдать все оружие.

Кто прятал оружие, считался дезертиром и должен был быть расстрелян. Затем с помощью местных украинцев и фольксдойчей была проведена регистрация населения, «особенно евреев», которых заставили носить повязки на руке. Экономика сводилась к двум приоритетам: обеспечение сохранности материальных ценностей и сообщение о них ближайшему полевому командиру и экономическому инспектору [11].

На более-менее регулярной основе военные и силы безопасности начали патрулирование и рейды в мелких городках, но для выполнения приказов администрации в селах им не хватало людей. Поэтому в эти первые недели и месяцы военного правления армейские коменданты образовали административную иерархию из украинцев и этнических немцев в роли районных руководителей, сельских старост и служащих полиции.

Комендант Винницы Маркулл начал принимать непосредственное участие в поиске и назначении украинских руководителей округов. С 2 по 6 августа Маркулл объездил на автомобиле и на подводе территорию на юг от Жмеринки до Бара, Копайгорода, Мурованых Куриловцев, Иванивки, Могилев-Подольска, Ямполья, Черновцев, Шаргорода и Станиславчика с целью поиска украинцев, пригодных на руководящие посты [12].

Когда Маркулл прибывал в город, его приветствовал украинский глава города и видные представители интеллигенции (врачи, агрономы, инженеры и т.д.). После 3-4-часовых обсуждений с местными представителями Маркулл выбирал главу района (Rayonchef) и выдавал ему специальные документы на немецком и украинском языках. Он предупреждал шефа, что тот несет полную ответственность за выполнение немецких приказов. Ему не разрешалось носить огнестрельное оружие, а лишь палку, нож или другое холодное оружие.

Его имя должно быть публично объявлено как имя должностного лица, назначенного немцами [14]. Договоренность с вновь назначенным скреплялась рукопожатием. Маркулл назначил двадцать пять местных руководителей в окрестностях Виннице. Во всем же житомирском регионе немецкие завоеватели поставили районными руководителями около семидесяти пяти украинцев (и некоторое количество этнических немцев).

Одной из первых требований к местным руководителям было собрать подробную информацию об этническом составе населения и его

политических предпочтениях, в частности, указать на местонахождение евреев, цыган, военнопленных и других групп, которые интересовали нацистов [15].

В Василевичах (где, как считалось, скрывались дезертиры Красной армии) украинским районным руководителям поступила директива - сообщать о любых посторонних лицах, которые не проживали здесь до войны. Таких лиц необходимо было идентифицировать по четырем категориям:

1) семьи с детьми; 2) военнопленные с необходимыми документами об освобождении из плена; 3) военнопленные без документов; 4) лица без определенного места жительства, которые поселились здесь во время военных действий. В таких отчетах содержались подробные списки жителей, перечень этнических групп, а также их местонахождение. Списки базировались на довоенных советских данных. Как видно для продвижения немецкой политики, включая Холокост, использовались советские документы [16].

Местный персонал в администрации Вермахта

Вспомогательная полиция

Для выполнения возложенных на нее задач, местной администрации разрешалось нанимать немного местных помощников - кроме полиции. Одной из первых обязанностей старост и городских управ было формирование украинской «службы порядка», то есть полиции. Старосты и мэры подавали списки кандидатов на утверждение немцам [17]. Обычно группа полиции не превышала пятнадцати человек; средний возраст полицейских составлял двадцать пять лет. В отличие от деревень и поселков, в таких центрах, как Винница, перебивало довольно большое количество немецкого персонала и учреждений оккупационной администрации. На низших должностях в этих учреждениях работали сотни местных жителей, которые помогали выполнять приказы немцев.

Под командованием Маркуль было 70 украинских полицейских. В селах и небольших городах **вспомогательная полиция не имела униформы; обычно**

на их официальный статус указывала только повязка на руке. Они были вооружены дубинками; в 1941 г. очень немногим из них доверяли огнестрельное оружие [18]. Полицаев набирали и среди военнопленных. Бывшие солдаты Красной армии были хорошими кандидатами. Они были молодыми, сильными, имели определенный уровень военной подготовки. Учитывая нечеловеческие условия в лагерях для военнопленных, им было трудно отказаться от предложения пойти на службу к немцам. Некоторые из бывших красноармейцев, стали наиболее печально известными помощниками СС, которые охраняли концлагерь Травники и помогали уничтожать Варшавское гетто [19].

Еще летом 1941 г., до вторжения в СССР, Генрих Гиммлер (на которого Гитлер возложил ответственность за все вопросы безопасности на оккупированных территориях) разработал детальный план использования отрядов украинских, литовских, латвийских и эстонских полицаев (известных под названием **Schutzmannschaften**). Но приказы Гиммлера полиции (**Schutzmänner**) касались гражданских зон, а не военных.

Привлечение местных полицаев к работе происходило по необходимости на случайной основе. Так, в Житомире 30 июля 1941 г. немецкий военный командир объявил через местную газету «**Украинское слово**» о создании новой полицейской части. В объявлении значилось, что количество полицейских предусматривается по одному на каждые десять домов. Многие украинцы откликнулись на предложение, **хотя эта работа была неоплачиваемой**. В течение двух месяцев только в северной части региона немцы взяли на службу 6 тысяч помощников-полицаев (**Hilfspolizei**) [20].

Бургомистры, шефы районов и старосты деревень

Руководителям из местного населения были присущи некоторые общие черты. Почти все они имели среднее образование и были учителями, врачами, священниками или бухгалтерами. Им в основном было за сорок, поэтому они выросли в бурные годы Первой мировой войны и большевистской революции. Многие из них ранее находились на руководящих должностях на уровне главы города или его заместителя. Некоторые из старших по возрасту были служащими среднего уровня в

социальной сфере еще в царской России. Не все происходили из местностей, которыми руководили. Полевой комендант Маркулл описывал типичных местных лидеров как *umsichtig* (готовых помочь), но он также презирал их как апатичных, ленивых «местных», профессиональная этика которых была разрушена советской системой [21].

Украинские районные руководители и сельские старосты не всегда спешили выполнять приказы немцев с энтузиазмом, которого от них ожидали. Поэтому немцы прибегали к определенным методам, чтобы проверить надежность районных руководителей и старост. Вскоре после прибытия в Попельню летом 1941 г., они назначили старостой украинца на фамилия Витовций. Чтобы проверить его преданность ему приказали побить одного из соседей [22].

У немцев не было трудностей с кандидатами на административные должности среди украинцев и фольксдойчей. Ежедневно в пункты по трудоустройству приходили местные жители с надеждой найти работу. Они подавали собственноручно написанные заявления, которые часто имели форму писем, в которых подробно описывались их страдания во время правления Советов и отчаянные мольбы помочь прокормить их детей, которые не имели ни обуви, ни одежды [23].

Кое-кто устраивался в немецкую администрацию с целью использовать должность для спасения друзей и родственников, которые были в нацистских тюрьмах и лагерях. В конце августа украинец Любомский, который работал на немцев, воспользовался служебным положением и начал требовать освобождения своего сына из лагеря для военнопленных в Виннице [24]. Администраторы-украинцы из Житомира, многие из которых были националистически настроены, пытались установить украинские комитеты самопомощи и благотворительные организации, включая Украинский Красный Крест [25].

Война привела к массовой безработице, местные промышленные объекты были разрушены во время эвакуации советской власти и бомбардировок немцев [26]. Немецкие войска СС, полиция отправили всех, кто был в состоянии, на восстановление дорог и железнодорожных путей, на обслуживание тюремных лагерей, сельскохозяйственные и лесные работы [27]. Согласно трудовой политики немцев, **неработающим украинцам не выдавали талоны на получение пайка** [28]. Военнопленные в лагерях и

все евреи выполняли принудительные работы, не получая никакой платы или соответствующего питания. Для тех, кто имел возможность работать в немецкой администрации, такая работа казалась самой лучшей. **Месячная плата даже на должности самого низкого уровня в немецком учреждении превышала в два раза плату рабочего завода или сельскохозяйственного работника.** Украинцы и этнические немцы на должностях высшего уровня, таких как руководитель района, получали от 1 до 3 тысяч рублей в месяц, что значительно превышало плату во времена советской власти [29].

Организовав работу администрации и полиции, нацисты издали ряд декретов с тем, чтобы усилить свое правления в регионе, а именно: собрать все боеприпасы, установить комендантский час, вести реестр скота, ввести новые налоги, ограничить использование общественного транспорта и автодорог, запретить контакты с военнопленными.

Полиция следила за выполнением приказов, направленных против евреев, таких как ношение наручных повязок, закрытие еврейских мастерских и формирования еврейских трудовых батальонов. Полиция также заставляла коллективные хозяйства и крестьян увеличивать обрабатываемые земли [30]. Любой староста или руководитель района, который не выполнял приказов немцев, считался врагом Рейха и подлежал уничтожению [31].

Для управления и нормального функционирования завоеванных территорий немцам необходимы были местные жители. Хотя немцам удалось найти достаточное количество местных руководителей и полицаяев, они все больше сталкивались с проблемой нехватки рабочей силы и материальных ресурсов. Нужно было убирать мусор и ремонтировать мосты; дороги оставались непроходимыми; не хватало электричества, воды и основных строительных материалов. Проблемы нехватки ресурсов и необходимости ремонтно-восстановительных работ были остро ощутимы в течение всего периода немецкой оккупации.

Но поражает тот факт, что несмотря на все невзгоды, военные командиры немцев и их гражданские преемники тратили чрезвычайное количество людских ресурсов на принудительные меры и меры безопасности. В конфликте между экономикой и прагматикой с одной стороны и идеологическими целями режима с другой - преобладала обычно идеология. В этом плане нацисты не пошли по стопам своих

предшественников англичан-колонистов, для которых местное население имело ценность как рабочая сила.

Так начальник штаба Верховного командования вооруженных сил Гитлера генерал Вильгельм Кейтель приказал своим подчиненным не принимать на работу евреев, несмотря на острую нехватку рабочих рук, аргументируя это тем, что «борьба против большевизма требует жестких и решительных действий, особенно по отношению к евреям, носителей большевизма» [32].

По собственному ли выбору или вследствие давления сверху немецкие руководители на местах отдавали приоритет расовым, а не экономическим целям. Маркулл жаловался на нехватку рабочей силы, в то же время принимает решение о казни мирных жителей: из которых по меньшей мере 1500 человек, вообще не были в чем-то виноваты, а только считались ненужными в расовом или политическом плане [33]. Основой такого отношения было то, что немцы старались обезопасить свое присутствие в регионе и уничтожить наибольшие угрозы: жидо-большевиков и прочих «расово неполноценных», для того чтобы начать и продолжить процесс преобразований захваченных территорий.

Меры безопасности Вермахта

Рок, Штюльпнагель и Райхенау

Работы Александра Даллина и Тимоти Маллигена, пролили свет на конфликты между различными немецкими учреждениями, которые были призваны управлять и эффективно использовать советские территории. Но в одной сфере все службы постоянно работали слаженно и предоставляли свои ресурсы, а именно в области мер безопасности.

Для этого нацистские учреждения делились рабочей силой, материальными средствами и информацией. Например, полиция Гимmlера обучала украинских полицаев, принятых на службу и индивидуально их проверяла. Для крупной операции по зачистке в северных болотистых районах возле Припяти, Вермахт вызвал 1-ую бригаду СС. Главы районов по вопросам сельского хозяйства, экономические отделы и вооруженные украинцы на

полесской Сечи также тесно сотрудничали с армейскими полевыми командирами и полицией, патрулируя сельскую местность и докладывая о присутствии подозрительных особ [34].

Кроме СС-полиции, активное участие в поддержании безопасности в районе Житомира брали **охранные дивизии армии**. Эти дивизии, в которых насчитывалось тысячи солдат, нападали на небольшие села и очищали местность от «саботажников» и «мятежников». В этих немецких облавах не жалели и женщин. Наоборот, их считали особенно опасными. 17-я армия вблизи Винницы захватила женщин, служивших в Красной армии, было приказано относиться ко всем женщинам в форме как к военнопленным, а к женщинам в гражданском - как к повстанцам, то есть убить их [35].

После того, как Житомир попал под власть тылового района группы армий «Юг» под командованием **Карла фон Рока**, тот выдал меморандум о «усмирении», который д.б. проводится под его началом [36]. Ветеран Первой мировой войны и рейхсвера, Рок писал о причастности солдат Вермахта к «эксцессам против определенных частей мирного населения». Как он отмечал, «тот, кто принимает участие в еврейских погромах и т.д., наносит значительный ущерб репутации армии и выявляет отношение, недостойное солдата».

Хотя Рок и выражал определенное несогласие по поводу непосредственной участия вермахта в антиеврейской кампании, он не был против истребления евреев вообще. Он ссылался на приказ Гитлера, которым солдатам прямо разрешалось безжалостно убивать гражданское население врага в ходе боевых действий. Военнопленных, также необходимо было уничтожать, если они бежали из лагерей, а немцы ловили этих «повстанцев» [37].

Также Рок писал, что солдаты, которые прибегают к эксцессам вне рамок привычных боевых действий, должны предстать перед судом, и что «командиры, которые не принимают все меры, чтобы найти и доставить таких лиц для судебного разбирательства, не соответствуют должности, на которую они назначены». Рок будто и не одобрял убийства гражданского населения, но он объяснил свое «несогласие» хаосом, к которому приводили убийства, хотя из уважения к Гитлеру, отметил, что такие убийства имеют место во время войны [38].

Меморандум Рока раскрывает несколько важных моментов. Во-первых, уже само существование этого и подобных приказов высшего уровня об «эксцессах» подтверждает, что немецкая армия действительно участвовала, больше или меньше, в преступлениях против военнопленных, евреев и других «угрожающих элементов» оккупированной Украины. Во-вторых, однозначно не каждый немецкий офицер или солдат одобрял массовые казни евреев, но несколько возражений, появившиеся на бумаге, только критиковали факт беспорядка, связанного такими действиями.

Остается неизвестным, была ли эта критика попыткой осуждения войны против мирного населения в нацистском стиле, попыткой защитить солдат и офицеров Вермахта от чего-то, что можно было считать «грязными» задачами Гимmlера. В-третьих, меморандум Рока косвенно затронул вопрос об ответственности. Он предупреждал, что увольнение и судебное преследование все еще были возможной реакцией в отношении тех, кто вел себя «чрезмерно жестоко» и «не по-солдатски». Каким бы строгим ни казалось его предупреждение, на практике лишь несколько солдат, которые грабили или прибегали к «эксцессам», предстали перед судом. Следует отметить, что тех, кто попадал под трибунал, могли и казнить [39].

Как и Рок, **генерал Карл-Хайнрих фон Штюльпнагель** (командующий 17-ю армией) предостерегал свои войска не от убийств мирного населения, а от самочинных действий или непослушания. Штюльпнагель, которого позже казнили за причастность к июльскому заговору 1944 г. и покушения на Гитлера, критиковал действующую в то время практику предварительного захвата заложников «на всякий случай» в будущем. Он осуждал «дикое» поведение своих подчиненных, которые принимали участие в погромах против евреев [40]. С целью проведения более эффективных карательных мер, Штюльпнагель приказал своим войскам обвинять евреев и коммунистов в сопротивлении немцам. В конце концов, как он объяснял, коммунисты были в основном молодыми евреями и их надо было поймать в любом случае [41].

Проводя политику убийств евреев, русских и других так называемых азиатских элементов, армия пыталась способствовать «мирным» немецко-украинским отношениям. Штюльпнагель просил своих подчиненных объяснять украинцам, что правление немцев является честным. Преследования и карательные действия нацистов не должны быть

направленными на «готовых помочь» украинцев [42]. Даже в редких случаях диверсий со стороны украинцев один армейский офицер из житомирского региона писал, что все равно виноваты евреи, а не украинцы, ведь, по словам этого офицера, украинцы всегда отличались изрядной готовностью к сотрудничеству [43].

Из обращения к солдатам 17-й армии Штюльпнагеля видно, как командование боролось за традиции поведения солдата, в то же время открывая дверь тотальному террору за линией фронта. Он писал, что настоящая опасность от гражданских исходит от евреев и военнопленных, одетых в гражданскую одежду. Он считал, что в интересах немцев было бы поддержание хороших отношений с украинцами, которых иначе могли склонить к поддержке партизан, и теми, кто обрабатывал землю для немцев.

Штюльпнагель критиковал немецких солдат, которые грабили дома украинских крестьян среди бела дня, пока те работали на полях, и он строго предупредил, что грабители предстанут перед трибуналом. Фактически, отмечал Штюльпнагель, «борьба против ослабления дисциплины должна быть такой же упорной, как борьба против любых попыток сопротивления, имеющие место среди местного населения» [44]. Отношения самих военных к этой теме имели незначительные отличия - некоторые поддерживали, а некоторые частично противостояли мерам против военнопленных и мирного населения. Но все они объединились вокруг политики уничтожения евреев.

В августе 1941 г. Вермахт обеспокоенный дисциплиной в своих рядах в сочетании с осознанием того, что количество жертв среди еврейского населения и военнопленных увеличивается, а также для повышения эффективности операций по поддержанию безопасности начал совершенствовать систему сотрудничества с СС-полицией. Отдел разведки армии и СС-полиции делились между собой информацией, но все еще было необходимо было, окончательно установить систему разделения труда для осуществления массовых убийств [45].

Высшее командование 6-й армии приказало солдатам не принимать участия в казнях евреев за отсутствия непосредственного приказа, поскольку это было первоочередной задачей СД. По этому же приказу, «в разных селах, где органы СС и СД проводили необходимые казни преступников, большевистских элементов, в основном евреев», солдаты, которые были не при исполнении обязанностей, могли добровольно помогать СД

осуществлять казни , фотографировать эти казни. Солдаты могли участвовать в массовых казнях только с согласия офицера; СС также могла полагаться на сельских комендантов Вермахта для обеспечения охраны, чтобы изолировать места уничтожения от наблюдателей [46].

В начале августа начальник айнзацгруппы С **Отто Раш** отчитался, что отношения между армией и СД в житомирском регионе были «дружескими» и что «в армейский кругах постоянно растет интерес и понимание задач и дел, имеющих отношение к работе полиции безопасности... в частности, в плане казней». Более того, согласно этому рапорту СД, армия выполняла задачи полиции безопасности, проводя аресты коммунистов и евреев [47]. Никаких вопросов относительно самих казней также не возникало; скорее, степень участия армии была более четко определена и скоординирована с СС-полицией.

В большей степени, чем Рок и Штюльпнагель, фельдмаршал **Вальтер фон Рейхенау** прямо повлиял на характер участия армии в массовых убийствах , которые происходили в тылу. Будучи командующим 6-й армии, Райхенау стоял на той позиции, что привлечение армии к акциям против евреев и других гражданских лиц **было необходимым** для обеспечения возможности править завоеванными территориями. В своем пресловутом меморандуме от октября 1941 г., получившего распространение с благословения Гитлера, Райхенау писал, что немецкому солдату необходимо быть «не только солдатом согласно всех правил искусства войны, но также и носителем безжалостной национальной идеологии. Борьба против врага [“еврейских ублюдков”] в тылу все еще не воспринимается довольно серьезно... Солдат обязан выполнить два требования: 1) полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и ее армии; 2) безжалостное истребление чужого предательства и жестокости, и сохранение этим жизни немецкой армии в России». [48].

Райхенау, который показал себя ярким нацистом в кампании против Польши 1939 г., потребовал использовать **1-ую бригаду СС** для «операций очистки захваченных территорий от противника» на территориях 6-й армии. **Фридрих Екельн**, который был командиром 1-й бригады СС, подчинился требованию. Бригада провела столь тщательную работу, что Райхенау наградил ее солдат боевыми медалями за совершение преступлений против мирного населения и военнопленных вблизи Житомира [49].

Летом и осенью 1941 г. , три охранные дивизии прошли рейдами через житомирский регион [51]. 454-я охранный дивизия (SD 454) состояла из войск регулярной армии и подразделов полиции: 375-й пехотный полк, 82-й полицейский батальон (с прежнего состава полиции порядка Вроцлава), а также части тайной полевой полиции (группы тайной полевой полиции 708, 721 и 730, а батальонов стрелков (Landeschützen) 286-го, 416-го , 566-го и 102-й полка) [52].

Дивизии координировали свои работу с акциями групп главнокомандующего СС и полиции в Украине **Фридриха Екельна (Friedrich Jeckeln)**. В районе **Новоград-Волынского** и Бердичева **213-я охранный дивизия** сотрудничала с 318-м и 45-м батальонами полиции порядка. Первоочередной задачей этой охранный дивизии было поддержание спокойствия на территориях за линией фронта и охрана военных объектов и транспортных маршрутов. Они преследовали врага в отдаленных районах, проводя аресты, ответные акции и казни. Накануне операции «Барбаросса» офицеров охранный дивизии на уровне батальонов ознакомили с «**Приказом о комиссарах**» и «**Правилами поведения войск в России**» [53].

Во многих отношениях их действия по поддержанию безопасности совпадали с задачами секретной полиции [54]. Когда руководители оккупированного тыла прибыли в Житомира 19 июля, городской комендант Ридль приказал бойцам 82-го батальона полиции общественного порядка (прикрепленного к 454-й охранный дивизии) начать зачистку центральной части города и его окрестностей. Они проводили так же систематическую охоту на людей с небольшими отрядами айнзацгруппы [55].

В ходе военной оккупации количество полицеев и солдат, направленных в эти отделы, значительно возросло, что, с точки зрения нацистов, создавало возможность для проведения более масштабных операций с зачисткой вблизи линии фронта. После прибытия в Житомир , в последний неделю июля , силы 454-й охранный дивизии составили 156 офицеров, 958 унтер-офицеров и 5845 срочных военнослужащих, а по состоянию на октябрь эти цифры выросли до 279 офицеров, 1387 унтер-офицеров и 7182 рядовых [56]. Фактически, эти данные представляют лишь незначительную часть сил службы безопасности, присутствующих в Житомир в августе – первой половине сентября, поскольку дополнительные силы Вермахта и

технический персонал постоянно передвигались по просторам и помогали в мероприятиях безопасности вместе с тысячами служащих СС-полиции.

Сначала силы безопасности армии (такие как отряды тайной полиции Гейдриха) осуществляли свои рейды вокруг немецких штабов и главных транзитных маршрутов Вермахту [57]. Но когда в августе стремительное наступление войск замедлилось, они были вынуждены расквартироваться в регионе на долгое время. У них было время и силы для увеличения масштаба своих операций. Часто эти операции были спровоцированы украинцами, которые постоянно жаловались на «российские вооруженные банды», которые бродили по деревням и в лесах. В ответ на это 454-я охранная дивизия прочесывала территории вдоль главных дорог и маленьких деревень вокруг Житомира, Бердичева и Белой Церкви [58].

В 1941 г., было большое количество дезертиров Красной армии и гражданских переселенцев, но организованных групп партизан было немного, и так называемая антипартизанская борьба стала прикрытием для немцев в совершении преступлений против мирного населения и красноармейцев.

Например, у Левковичей солдаты с 375-го пехотного полка 29 июля получили сообщение украинцев о блуждающей банде. Солдаты переоделись в гражданскую одежду и обыскали окрестные леса. Все найденные были причислены к врагам. Немецкие офицеры даже низкого уровня имели право расстреливать «повстанцев» на месте [59].

В середине августа украинцы Емильчино сообщили местному немецкому коменданту, что 2000 российских солдат, переодетых в гражданскую одежду, трудились на полях. На борьбу с «партизанами» Рок направил в указанную местность 213-ю охранную дивизию и 1-ю бригаду СС. 15 августа 1941 г. те открыли огонь по людям, взяв 862 пленных и убив 272 человека [60]. Первая бригада СС кратко сообщила, что этот рейд в с. Емильчино был успешным: было взято несколько пленных и убито определенное количество евреев [61]. Отряды айнцагруппы С также регулярно реагировали на сообщения украинского населения.

Раш, командир айнцагруппы С, писал, что преувеличенные сообщения украинцев о партизанских атаках дало «возможность выследить места сокрытия большевиков, евреев и асоциальных элементов» [62]. Комендант

Винницы и служба разведки Житомира признавали, что сообщения украинцев о «русских бандах» были неточными или придуманными. Комендант Маркулл отмечал, что местное население говорило со страхом о бандах, но без конкретных деталей. «Лично я, - писал он после осуществленной поездки по краю, - не думаю, что бандиты очень опасны» [63].

Постоянные слухи о бандах были горючим для машины уничтожения, они давали немцам основания для зачисток территорий за пределами городов Житомир, Бердичев и Винница, зачастую проводились совместно силами армии и СС [64]. Преувеличения, характерные для украинских доносов, породили широко распространенную панику [65].

Является очевидным, что бандитами, которых боялись украинцы, были евреи и возможно беглецы, которые пытались избежать плена или смерти от рук немцев. Офицер айнзацгруппы С поделился наблюдением, что местные жители часто отказывались от сообщений, когда осознавали, что они подвергли опасности жизнь таких особ [66].

В частной беседе 16 июля 1941 г., Гитлер советовал использовать такую нестабильную атмосферу в собственную пользу. Для местных комендантов аресты и казни стали привычной реакцией на страх украинцев перед бандами, которые прячутся в лесах. Таким образом, реальная или мнимая угроза партизанских атак приводила к усилению поисков и убийств немцами «подозрительных» лиц, и это дало местным чиновникам приемлемое оправдание уничтожению красноармейцев-военнопленных и представителей мирного населения [67].

Один заметный случай служит иллюстрацией для этого факта. На территории Полонное-Огородницы, 3-й батальон 375-го пехотного полка провел рейд, который был настолько «успешен», что пришлось вызывать на помощь еще одну роту этого же батальона. Согласно версии событий, представленной немецкой стороной в рапорте о ведении боевых действий, когда рота из 375-го пехотного полка добралась до Володарск-Волынского 3 августа, она увидела, что много украинцы и этнические немцы сбежали, поскольку городом овладели русские солдаты, и (как утверждали немцы) местная еврейская община помогала русским.

Батальон не смог выбить партизан из леса; удалось задержать только троих партизан. В конце своего рапорта командир добавил, что эта операция была утомительной и что людям следует дать возможность отдохнуть [68]. Для батальона численностью около 500 бойцов было утомительным взять в плен трех заключенных? Несколько недель спустя, когда первой пехотной бригаде СС ошибочно было дано задание «зачистить» эту самую территорию, она не нашла здесь ни евреев, ни большевиков, потому что, согласно рапорту бригады, 375-й пехотный полк выполнил «работу тщательно» [69].

Утром 19 августа Советское информационное бюро передало, что в Володарске-Волынском имели место неслыханные зверства. Как говорилось в этом информационном сообщении (опубликованном после войны), немецкие офицеры и украинские националисты в «пьяных бандах» сгоняли мирное население, выкалывали им глаза, ломали конечности, рубили их на куски и жгли живьем. Несмотря на склонность советской пропаганды к перебарщивать, это информационное сообщение минимум устанавливает существование фактов резни в Володарске-Волынском в первой половине августа 1941 г. [70].

Эта ужасная резня, показывает вспышку жестокости на Украине, подобно событиям в Едвабно. Здесь стоит отметить, что в житомирском регионе не выявлено ни одного доказательства, которое бы можно было бы сравнить с организованными акциями поляков против евреев в Едвабно в Польше. В житомирском крае украинцы не планировали и не совершали массовых убийств, своих соседей евреев [71].

Система лагерей вермахта и судьба военнопленных

По состоянию на конец мая 1941 г. органы безопасности в Житомире начали осознавать, что численность заключенных была гораздо большей, чем та, с которой они могли справиться. В основном, немцы использовали существующие советские тюрьмы и здания НКВД для проведения допросов и содержания заключенных. Но постоянные приказы задерживать чуть ли не всех, кто попадался под руку, привели к значительно большему количеству заключенных, чем то, которую могли вместить тюрьмы и лагеря. В

окрестностях Винницы все неженатые лица мужского пола в возрасте от 16 до 55 лет считались подозреваемыми и подлежали аресту [72].

«Массовые аресты населения нужно прекратить», - писал недовольно служащий оккупационной администрации [73]. Для решения этой проблемы администрация издала приказ Рока «освободить всех тех, кого арестовали без всяких оснований, если их село находится поблизости и свободное от партизан» [74], тех кто «выглядел непокорным», необходимо было оставить в лагере для интернированных или передать в руки отрядов СС; военным запрещалось вывозить их на территории Генерального губернаторства и бросать их там, как пытались сделать некоторые немецкие командиры.

В то время как количество арестованных росло, более острой проблемой была чрезвычайно большое количество военнопленных. Десятки тысяч было захвачено в житомирском регионе в боях июля и августа 1941 г., количество их постоянно увеличивалось с продвижением Вермахта на восток. В ходе рейдов по безопасности захватывали и отправляли в лагеря солдат, которые до этого скрывались в лесах региона. Ужасные условия в лагерях настораживали местных комендантов, которые побаивались распространение болезней и общественного беспокойства. Однако трагическая судьба военнопленных не была результатом только непредвиденных обстоятельств или местных условий.

В мае 1941 г., незадолго до вторжения, немцами были составлены лишь наметки планов строительства ограниченного количества лагерей для военнопленных и использования их в качестве рабочей силы. Советские военнопленные не могли войти в состав Рейха, и должны были находиться в лагерях, где они не могли «заразить» немецкую расу своим славянским большевизмом. Немцы не планировали решать вопросы быта и питания миллионов пленных, которые, как предполагалось, будут захвачено в результате поражения Советского Союза в ходе blitzkriega [75].

Когда международная общественность выступила против жестокого обращения с советскими пленными, юристы Высшего командования вооруженных сил нашли оправдание такому поведению в том, что советское правительство отказалось подписать Женевское соглашение от 1929 г. об обращении с военнопленными, поэтому рейх имел право обращаться с ними по своему усмотрению, как с «людьми второго сорта» [76].

Все продовольственные товары направлялись в рейх и на нужды вооруженных сил и не были доступны в «избыточном» количестве для не немецкого населения. **Прекращение поставок продовольствия в лагеря для военнопленных** было, как недавно указал в своих исследованиях Кристиан Герлах, политикой голода (Hungerpolitik) , которая привела к геноциду. Квартирмейстер генерал **Эдвард Вагнер** , который отвечал за распределение продовольствия, включая пищевые пайки, стоял на той позиции, что неработающие военнопленные «должны голодать». Как считали он и большинство высокопоставленных нацистов, **«чем больше пленных умрет, тем лучше для нас»**.

Их подчиненные проводили политику голода, нечеловеческого безразличия и массовым убийствам военнопленных [77]. Немцы направили свои силы на массовую пропаганды с целью склонения советских солдат к дезертирству и переходу на немецкую сторону, предоставляя в этом случае дезертиров в руки местных военных [78].

Вскоре после того, как Вермахт прорвался через линию Сталина в Виннице и большая часть Житомирской области попала в руки немцев, главнокомандование издало приказ об «обработке» военнопленных. Прежде всего, подчеркивалось в директиве, солдат немецкой армии должен держаться от них на расстоянии. Любого военнопленного , который делал попытку побега, нужно было расстреливать немедленно и без предупреждения. Организовывались сборные пункты, в которые собирали «блуждающих без дела гражданских», поскольку, по утверждению немцев, «большинство бывших солдат переодеваются в гражданскую одежду». Военнопленные в тыловых районах, которые не сдались ближайшему посту Вермахта или которые пытались скрыть сведения о своей личности, «считались мятежниками и относительно них принимали соответствующие меры» - то есть расстрел [79].

Сборные пункты существовали в каждом городе, и за них отвечали офицеры на уровне корпуса. Из этих пунктов, разбросанных по всему житомирскому региону, военнопленных отправляли , обычно пешим ходом, до основных транзитных лагерей (Durchgangslager) , расположенных в Житомире, Бердичеве, **Новограде-Волынском** (Zwiahel) и Виннице [80]. Транзитные лагеря были временными местами сбора , их заключенные впоследствии попадали в стационарных лагерей (Stammslager) , которые стали

постоянными лагерями в тыла армии, а позже и в зонах гражданской администрации.

В житомирском регионе большие лагеря было создано в Любаре, Житомире (**дулаг 170** и **шталаги 358** и **201**) , Бердичеве (**дулаг 205** и **филиал шталага 358**) , Виннице и Гайсине (**дулаг 152**) [81]. Стационарный лагерь в Виннице стал хорошо известным в период нацистской оккупации как лагерь для «выдающихся» советских военных высокого ранга , которые могли принести определенную политическую пользу, таких как Андрей Власов, командовавший Русской освободительной армией, созданной немцами на последних этапах войны [82].

Тех, кого держали на сборных пунктах и отправляли дальше в лагеря в **Новограде-Волынском**, Житомире и Бердичеве, затем разделяли на группы на основе расовой принадлежности и способности работать. Пленные распределялись на пять групп на пять групп: 1) этнические немцы, украинцы, литовцы, латыши и эстонцы; 2) азиаты, евреи и немецкоязычные русские; 3) комиссары, агитаторы и другие подозрительные элементы; 4) офицеры и унтер-офицеры; 5) Иные [83].

1-я группа проходила проверку работниками армейской разведки , для возможного освобождения или получения специальных заданий по работе внутри и вблизи лагерей. Судьбу второй и третьей групп решали старшие офицеры армии и СС-полиции. Летом 1941 г. службы безопасности СС **Рейнхард Гейдріх** дал детальные указания командирам своих айнзацгрупп, которые выполняли зачистки лагерей военнопленных, а также поиск потенциальных коллаборантов среди заключенных; эти указания требовали отделения всех подозреваемых в большевизме, активистов коммунистической партии и евреев от других заключенных [84].

В официальных военных записях некоторые категории заключенных - в частности, евреи и азиаты, значатся как такие , что были освобождены, а на самом деле этих узников передали СД и убили [85] . **Ганс Фройхте** , врач, назначенный на работу во временном лагере 160 летом 1941 г., отмечал, что с самого начала евреев, монголов и другие «азиатские расы» отделяли; «в большинстве случаев комиссаров ликвидировали еще до того, как заключенные прибывали в лагерь».

Фройхте и другие работники лагеря узнали от солдат, которые сопровождали транспорт до Житомира, что в Житомире в начале августа 1941 г. всех новоприбывших евреев, которых привезли вместе с другими пленными, расстреляли» [86]. На декабрьской конференции 1941 г. руководители трудовых отрядов рейха, армии и СС говорилось, что тех, кого «отделили» для освобождения, в основном расстреляли; на территории ответственности генерала **Райнике** (в основном Украина), с 22 000 «отделенных» военнопленных, по сообщению начальника гестапо Генриха Мюллера (Берлин, RSHA), 16 000 было ликвидировано [87].

Среди тех, кто пережил процесс «отделения» и был в состоянии работать, немецкие военные потом отбирали плотников, инженеров, строителей и других специалистов и назначали их на работу в оперативных зонах или при местных комендатурах. После отделения специалистов, неквалифицированных, но «физически сильных» военнопленных объединяли в отряды по 250-300 человек, которых отправляли на объекты строительства вблизи лагерей [88].

Многие из этих трудовых батальонов военнопленных получали задание от строительной компании Тодта, которая активно набирала заключенных из лагерей для военнопленных в Житомире и Виннице на работы по строительству дорог [89]. Крупнейшая в регионе **сеть трудовых лагерей** работала на сооружении автобана, запланированного как главный транзитный маршрут для доставки продовольствия и войск.

Durchgangenstrassen, или трассы, проходили через Винницу (трасса IV) и Житомир (трасса V) [90].

Примерно через каждые пятнадцать километров вдоль запланированных маршрутов должны быть созданы трудовые лагеря для строительства дороги [91]. Под руководством компании Тодта заключенных эксплуатировали до смерти, заставляя носить камни из каменоломни Гнивань, которые использовались для строительства дорог, а также для строительства роскошной штаб-квартиры и бункера Гитлера «Вервольф». Даже после прибытия гражданских управленцев, армейские коменданты остались на постах вдоль трассы и продолжали распоряжаться военнопленными, работавшими на автобане [92]. Тех кто не подходил для работы, конвоировали пешком по «посменной системе» или, по возможности, перевозили по железной дороге в товарных вагонах [93].

Выполняя приказы и распоряжения главнокомандования, охранные дивизии руководили движением заключенных от транзитных лагерей к постоянным, расположенным в тылу [94]. В августе количество военнопленных в житомирском регионе уже была настолько высоко, что приблизилась к величине населения городов, в которых эти лагеря располагались; в **Новограде-Волынском**, где проживало более 12 тысяч человек, в транзитном лагере для военнопленных (**дулаг 172**) насчитывалось 8000 заключенных [95]. **С целью уменьшения перенаселения немецкие военные перевели их на запад в стационарный лагерь в Шепетовке.**

После захвата немцами Киева, где было взято в плен около 600 000 советских солдат, десятки тысяч этих военнопленных транспортировали или перегоняли пешком снова в лагеря Житомирщины, в которых - несмотря на смертность и перевозку части пленных в другие лагеря в августе и сентябре количество военнопленных было очень великою [96]. Много военнопленных из Киева, направленных в Житомир, погибли по дороге. Военные охранные части (Landeschützegebände) расстреливали тех, кто терял силы или пытался убежать. В то время как голодные и нередко раненные пленники тянулись на запад, немецкие охранники подгоняли их, как скот, кнутами, дубинками и выстрелами из пистолетов [97].

В уникальном рапорте офицера разведки 454-й охранной дивизии, автор писал, что физическое состояние заключенных в Бердичеве, которые прибыли из Киева, «противоречит простейшему представлению о человеческом существе» [98]. Немецкие планы о привлечении квалифицированных военнопленных как рабочих или сформировать из них трудовые батальоны скрывали другую реальность - осенью и зимой 1941 г. тысячи военнопленных в лагерях Житомирщины умерли с голода, от болезней или были расстреляны.

Когда осенние морозы ударили раньше, чем обычно, холодная погода довершила уничтожение плохо одетых и истощенных узников. Некоторые прибегал к каннибализму (об этом же упоминал А.Солженицын –прим. сайта). Охранники лагерей были по отношению к пленным не просто жесткими, а без необходимости жестокими» [99].

По состоянию на ноябрь 1941 г. от 5 до 10 процентов заключенных, прибывших в лагерь, уже были близки к смерти от голода и истощения [100]. Многие тысячи полегли вдоль дорог к лагерям, но эти смерти в рапортах

немцев не было учтены. В середине декабря рейхсминистр Альфред Розенберг отчитался перед Гитлером о том, что **около 2500 военнопленных умирали ежедневно в лагерях Украины**. Он пояснил - рассчитывали , что в связи с недоеданием умрет гораздо больше, но в тоже время заверил Гитлера, что эти потери никоим образом негативно не повлияют на обеспечение необходимого количества рабочих силы [101].

Для местного населения эти тысячи военнопленных, которые шли в лагерях под открытым небом по всему региону, которые проходили через их города и села, стали печальным свидетельством истинных намерений немцев. Сперва , немцы запрещали хоронить заключенных, тела которых лежали вдоль путей на глазах местного населения. Женщины представляли такую же судьбу своих отцов, мужей и братьев, которых призвали на службу в Красную армию.

Местные жители , искавшие работу у немцев, оказались бок о бок с военнопленными и вошли в состав трудовых бригад. Местные жители, которые видели, как плохо кормят и относятся к военнопленным, начали осознавать суть нацистских методов [102]. Самый большой лагерь для военнопленных под Житомиром назывался Богуня и был расположен примерно в пяти километрах от города.

Здесь немецкая армия оцепила колючей проволокой территорию бывшего колхоза и согнала военнопленных на открытую территорию, где им пришлось терпеть житомирский климат - горячее лето и холодную зиму. В Богунии немецкий комендант лагеря объявил в местной газете «**Голос Волыни**», что гражданские лица должны приносить военнопленным еду и тюки с одеждой между 9.00 и 11.00 часами. Много украинских женщин откликнулись на этот призыв , они надеялись найти среди заключенных своих сыновей, братьев или родителей. Потом оказалось, что их обманули. Комендант собрал пакеты и передал их охранникам , а не заключенным.

В Виннице глава города русский Александр Севастьянов объявил в газете, что тысячи пленных пройдут городом и местные жители могут выйти им навстречу и помочь с продовольствием. Сотни людей (преимущественно женщины и дети) ждали на дорогах с коробками , яблочками и хлебом. Когда заключенные начали приближаться и увидели еду, они прорвались через линию охранников, чтобы взять ее. Офицер конвоя приказал охране

стрелять. В хаосе и панике, многие военнопленные и гражданские лица были застрелены и затоптаны до смерти [103].

В другом, более страшном случае, который служит примером ужасного отношения к военнопленным, штатный врач 6-й армии доктор **Герхарт Паннинг** сотрудничал с руководителем зондеркоманды 4а полковником **Паулем Блобелем** в проведении смертельного эксперимента. Они проверяли действие захваченных в советской армии пуль со смещенным центром на евреях-военнопленных.

Анализ этого эксперимента, сделанный Паннингом, и ужасные фотографии жертв было опубликовано как исследовательский материал в журнале «Der deutsche Militärarzt» («Немецкий военный врач») в январе 1942 г. [104].

От пыток, принудительного труда, массовых расстрелов и зверского отношения, в Богунии, окрестностях Бердичева и в северных районах Житомирщины погибли более 100 000 военнопленных [105]. В бердичевском лагере (**дулаг 205**), где остался 9271 заключенный в декабре 1941 г. (3320 из них были украинцами), уровень смертности составил более 82 процента, а запаса продуктов в лагере хватало на 8 дней. На окраинах Бердичева немецкая служба СД и местные части Вермахта казнили тысячи военнопленных на Красной горе [106].

Такая политика по отношению к военнопленным привела к определенному конфликту между военными руководителями Германии в Украине. Прагматики, косвенно выражали неодобрение к «эксцессам», считали, что пленные составляют ценную рабочую силу для промышленности или сельского хозяйства [107]. Они выражали обеспокоенность по поводу распространения среди украинского населения антинемецких настроений.

Верховное командование издало приказ выделить военнопленных украинцев в «привилегированную» группу, к которой необходимо было относиться менее сурово, чем к русским [108]. **Если родной город военнопленного украинца находился на расстоянии двух-трех дней пешего хода от лагеря, то пленному разрешалось вернуться домой с надлежащими документами, подтверждающими его личность и законность освобождения из заключения.**

В некоторых случаях знакомый или родственник из города заключенного должен был поручиться за него. Согласно исследованиям Карела Беркгофа,

украинские женщины часто заявляли о заключенных как о своих «мужьях», чтобы спасти их от голода в лагерях. Украинский Красный крест также активно давил на местную немецкую власть с тем, чтобы добиться освобождения и улучшения условий содержания украинских военнопленных [109]. Местные коменданты снисходительно относились к освобожденным украинским военнопленным, давая им пищевые пайки и принимая их на работу как квалифицированных рабочих и помощников полиции [110].

Из 280 108 советских военнопленных, освобожденных немецкими военными в 1941 г., украинцы составляли 270 095 (235 466 человек из лагерей в зоне действий группы армий «Юг») [111]. Командиры немецкой армии и полиции воспринимали украинцев (и народы Прибалтики) как расово-политическую категорию, что стоит выше другие «азиатских» групп [112]. Другим важным фактором, который способствовал поощрению освобождения украинцев (и выходцев из Прибалтики) было предположение немцев, поддерживаемое политическими эмигрантами, о том, что эти народы будут относиться враждебно к Советскому Союзу, а значит, станут добрыми коллаборационистами.

При этом же, эти «славяне» считались низшей расой и потенциальной политической угрозой. Вожди нацистов, в том числе и Гитлер, не одобряли освобождения военнопленных. Как и Гитлер, рейхскомиссар Украины Эрих Кох считал, что освобожденные военнопленные будут мстить немцам, вступив в партизанские отряды. Освобожденные военнопленные, также считались опасными, с точки зрения охраны здоровья, в связи с возможным расширением эпидемических болезней за пределами лагерей [113].

В житомирском регионе отношения между командованием армии и СС всегда «спотыкались» именно по вопросу отношения к военнопленным. Вермахт согласился сотрудничать относительно зачисток лагерей отрядами СД, однако по крайней мере в одном документированном случае в Виннице армейский комендант лагеря отказался от выполнения мероприятий СД [114]. Он отказался передать 362 евреев военнопленных и передал в трибунал своих подчиненных, которые не подчинились его приказу и отдали этих евреев в руки СД. Этот конфликт стал толчком к запрету персоналу СД входить на территорию этого дулага, который выдал штаб армии в Виннице; этот запрет моментально отменили чиновники высшего ранга, которые добивались более эффективной сотрудничества между армией и СС [115].

Единичные случаи, когда офицеры армии противостояли требованиям зипо-СД о передаче им заключенных евреев и выражали несогласие относительно «нечеловеческих» условий жизни военнопленных, обосновывая первоочередную необходимость в рабочей силе, а не в геноциде, свидетельствуют, что не все местные военные командиры одобряли методы нацистов. Возможно, несогласие выражали чаще, чем это отражено на бумаге. Но большинство жалоб все же было на проблемы в руководстве и общий беспорядок. Сначала операции «Барбаросса», а возможно по крайней мере до конца лета 1941 г., и большинство местных армейских командующих приняли как должное повседневную жестокость и террор.

1 Польовим комендантом Вермахту в Житомирі був полковник Рідль (Riedl), а його наступником – полковник Кефер (Kefer) (FK 197). Станом на кінець липня, польових комендантів було також призначено у Звягелі (Новоград-Волинському) та Бердичеві; протягом серпня армія призначила додаткових комендантів у Коростені, Овручі, Козятині, Коростишеві та Радомишлі.

2 Із прибуттям більшої кількості представників німецьких установ було виокремлено відділи в обласній адміністрації, і українців посилали до німецького управління з питань праці для перепризначення. Наказ про передання Житомира під юрисдикцію Рока, 21 липня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 5/000529-30.

3 За свідченням службовця SK4a, однією з основних причин, чому окупанти обрали це містечко у перші тижні, була наявність діючих об'єктів харчової промисловості. Містечко було розташоване примітки до розділу 2 та розділу 3 259
близько за п'ятдесят кілометрів на північний схід від Житомира. Судовий процес у справі Куно Каллсена (Kuno Callsen), BAL, 204 AR-Z 269/1960, Urteil, Fall VII Radomyshl', 343.

4 Див. рапорт польового коменданта 675-ї комендатури д-ра Маркулла від 14 серпня 1941 р. РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92). Керівні особи Вінниці також згадані в праці: Weiner, *Making Sense of War*, 246, а також Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, 195.

5 З питання про міліцію та грабунки див.: «Українське слово» (Житомир), 24 серпня 1941 р., ДАЖО, газетний фонд. Щодо української поліції та інших помічників німців, див. звіт FK 675 від 1 серпня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92).

6 Командир військ установив адміністрацію 22 липня 1941 р. Див. звіт FK 675 від 1 серпня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92). Див.: Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, 195. Див. рапорти Маркулла, FK 675 «Lageberichte», 14 серпня 1941 р. та 30 серпня 1941 р. у РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92).

7 Див.: FK 675 Abt VII 9Mil-Verw.), рапорти від 11 серпня, 25 серпня, 30 серпня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92).

8 Див. наказ Рока від 14 липня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 5/000494-5.

«Можливість переселення» стосується нацистсько-радянської угоди про дозвіл етнічним німцям, що проживають у радянських зонах, переселитись до Райху. З питання договорів 1939-1940 рр. див.: Kohl, *RKF DV*.

9 Наказ Рока від 16 серпня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 5/000803; «Голос Волині» (Житомир), 30 жовтня 1941 р., ДАЖО, газетний фонд.

10 Згідно із рапортом Маркулла, СД стратила членів першої єврейської ради в серпні; нова єврейська рада загалом співпрацювала із окупантами, хоча одного члена відсторонили у зв'язку із «політичним обвинуваченням». Див.: FK 675 рапорт від 30 серпня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92). Щодо питання притулку у Вінниці див.: Круглов, *Уничтожение еврейского населения в Винницкой области в 1941-1944*.

11 RND SD 454 Anlage zum Div. Befehl Nr. 59, «Merkblatt über Sofortaufgaben der Ortskommandaturen», NA, RG 242, T-315/R 2216/000091-94.

12 Ці населені пункти розташовані між річками Дністер та Буг, котрі згодом були частиною українських земель, окупованих Румунією.

13 Через тиждень після цього Маркулл їздив на північ у напрямку до Козятина та Бердичева, де він зустрів більше німців із Райху у будівельних батальйонах та групах зі спорудження залізниці. Місцева адміністрація під керівництвом німецьких міських та польових комендантів також розпочала ремонтні роботи і навіть відкривала школи. Звіт FK 675 від 25 серпня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92).

14 Див. наказ штаб-квартири 17-ї армії про формування місцевих адміністрацій, NA, RG 242, T-501/R 674/8308420.

15 Див.: FK 675, рапорт від 30 серпня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92). Подібний до цього рапорт містить інформацію про склад населення та про місцевих керівників у Літині, Хмільнику, Уланові, Мачнівці, Самгородку, Калинівці, Вороновиці та Немирові. Див. звіт FK 675 від 25 серпня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92).

16 Див. звіти FK 675 за серпень 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92). Звіт генерального комісара («Lagebericht») від 3 червня 1942 р., ВАК, R6/310; Brown, *A Biography of No Place*, 209.

17 Див. наказ німців про формування поліції в Житомирі та Бердичеві, підписаний Яценюком, яким було встановлено, що має бути один поліцай на десять домів. «Українське слово» (Житомир), 30 липня 1941 р., ДАЖО, газетний фонд.

18 Див. указ штабу 17-ї армії, Вінниця, 12 липня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 674/8308420.

19 Vlack, «Police Auxiliaries for Operation *Reinhard*». Подяка д-ру Блеку за матеріал про охоронців Травників із Житомира.

20 З питання формування армією українських груп поліцаїв та міліції, див. наказ від 2 липня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 2216/000098-100. Факти про формування армією міліції задокументовано у підпільних звітах ОУН(б), липень-листопад 1941 р., ДАЖО, P1151-1-13;

30 липня 1941 р. у газеті «Українське слово» командир армії оголосив про початок формування української поліції. Див. наказ командувача групи армії «Південь» Рундштедта про створення української допоміжної поліції, яку він передав під командування відділів безпеки армії, та HSSPF, NA, RG 242m T-501/R5/00916918. Підрахунок поліцаїв-помічників капітаном Дітріхом із SD 454, 4 жовтня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R2216/000213.

21 записи FK 675 Вінниці, серпень 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92).

22 див. звіт («Tätigkeitsbericht») начальника СС та поліції із Ружина про
Витовця, березень 1943 р., ДАЖО, P1452-1-2.

23 див. листи, багато із яких написані жінками, у ДАВО, P2383-2-41 (копія у USHMM, RG 31.011M, reel 9).

24 лист від 20 серпня 1941 р. стосовно табору військовополонених у Холмі, ДАВО, P1311-1-1 (копія у USHMM, RG 31.011M, reel 1).

25 див. повідомлення про Український Червоний Хрест у «Голосі Волині» (Житомир), 27 листопада 1941 р., ДАЖО, газетний фонд.

26 див.: FK 675, звіт про обстановку, частина 26 – Відділ з питань праці (Arbeitsamt), 14 серпня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92).

27 див.: КТВ SD454 Anlage zum Div. Befehl Nr. 59, «Merkblatt über Sofortaufgaben der Ortskommandanturen», NA RG242, T-315/R 2216/000094.

28 див. наказ Рока, в якому визначається, що кожен, хто не зареєструвався для отримання роботи, вважався партизаном і підлягав розстрілу. «Українське слово» (Житомир), 14 серпня 1941 р., ДАЖО, газетний фонд; також див. німецький наказ, представлений бургомістром Павловським із Житомира, який встановлював, що тим, хто не працює, не передбачено надання харчів та інших товарів. «Українське слово» (Житомир), 17 серпня 1941 р., ДАЖО, газетний фонд.

29 За радянської влади голови районів отримували 750 рублів. Німці запровадили вищі зарплати у перші тижні окупації; пізніше ці заробітні плати через інфляцію виявилися неадекватними. Дивіться німецький звіт про заробітну плату місцевих керівників, 22 серпня 1941 р. Vfth. Rückw.H.Geb.Süd., NA, RG 242, T-501/R5/000752-3. Джерелом інформації про зарплати від радянської влади є Fitzpatrick, *Stalin's Peasants*, 175.

30 Інструкція для керівників районів («Dienstanweisung für den Rayonchef»)

містила в загальному визначені заходи, такі як підтримання миру та порядку; підлеглі ж втілювали їх у конкретні кроки. Пор.: FK 675 АВТ VII, 26 липня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92), та записи у ДАВО, 1417-3с-1 (копія у USHMM, RG31.011M, reel 4).

31 див. наказ Яна Лазара з Тульчина, 17 листопада 1941 р.: «Усі міські голови, які не виконують німецькі накази, чи ті, хто видає фальшиві посвідчення особи, вважатимуться шпигунами». ДАВО, P1417-3с-1 (копія у USHMM, RG31.011M, reel 4).

32 Меморандум Кайтеля від 12 вересня 1941 р., NA, RG 242, T-77/R 1028/6500510. Так само, як у пізнішому меморандумі Райхенау, командування вищого рівня намагалося пояснити своїм підлеглим ідеологічну основу кампанії та антиєврейських заходів. Наказ Райхенау від жовтня

1941 р., NA, RG 242 T-315/R 2216/000283.

33 Радянські джерела зосереджуються на Маркуллі, зазначаючи, що ще 29 липня 1941 р. він наказав убити двадцять п'ять заручників у кар'єрі поблизу П'ятничан і ще 350 осіб на початку серпня (імена більшості із жертв були єврейськими). Див. радянські свідчення (росіян, українців та євреїв), дослідження Шмідта та Даннера, VAL, 204a AR-Z 122/68 та 136/67, 45, 299, 303, а також у праці: *History teaches a Lesson*, 240.

34 Berkhoff, *Harvest of Despair*, 64.

35 Див. меморандум головнокомандувача генерального штабу до військ, АОК 17 Іс/АО, 8 липня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R674/8308425.

36 Одним із перших друкованих джерел про злочини Вермахту був рапорт майора Рьосслера про вбивство євреїв Житомира; копія рапорту вміщена в праці: N. Müller, *Okkupation, Raub, Vernichtung*.

37 Рок народився у 1880 р.; під час Першої світової війни він перебував на посаді офіцера відділу генерального штабу і став командиром дивізії у грудні 1939 р. Він був командувачем тилового району групи армій «Південь» з березня 1941 р. по 15 червня 1942 р. (через хворобу його замінив Еріх Фрідерічі, з 27 жовтня по 10 січня 1941 р.). Пізніше його було призначено командувачем тилового району групи армій «А» (Кавказ); він пішов у відставку у чині генерал-лейтенанта в грудні 1942 р. Рока засуджено американським військовим трибуналом у Нюрнберзі. Див.: NMT, Vol. 2, 630.

38 Див. таємний наказ Рока «Заходи пацифікації» («Befriedungsmassnahmen»), 29 липня 1941 р. у КТВ Vfh.rückw.H.Geb.Süd., NA, RG 242, T-501/R 5/000476. У секретному наказі командира тилового району групи армій «Південь» йшлося про те, що «солдати та офіцери самостійно почали вбивати євреїв... але це належить до прямих обов'язків HSSPF», 1 вересня 1941 р., КТВ SD454, NA, RG 242, T-315/R 2216/000081.

39 Вердикти військового трибуналу (Kriegsgerichtliche Verurteilungen), 5 листопада 1941 – 16 грудня 1941 р., ДАЖО, P1151-1-21.

40 Оскільки Штюльпнагель був військовим комендантом окупованої нацистами Франції, пізніше йому закидали зв'язок із групами опору в окрузі Хальдера та Бека і стратили в Пльоцензее (після невдалої спроби самогубства). Він відповідав за злочини проти мирного населення України та Франції, відтак його зв'язок із рухом опору не базувався на моральній боротьбі проти нацизму, але був консервативною, націоналістичною спробою попередити поразку Німеччини Гітлера. Його наукової біографії немає; див. основні біографічні дані у: Wistrich, *Wer war Wer*, 350.

41 Наказ Штюльпнагеля від 30 липня 1941 р., КТВ, АОК 17, NA, RG 242, T-501/R 674/8308402.

42 Див. наказ Штюльпнагеля від 16 серпня 1941 р., РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 11.001M.13, reel 92).

43 Рапорт Шредера щодо стосунків із цивільними, 12 липня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 674/8308418.

44 Виділення в оригіналі. «Behandlung der Bevölkerung und Aufrechterhaltung der Disziplin», 24 липня 1941 р. КТВ АОК 6, запис із АОК 17 Іс/АО, NA, RG 242, T-312/R 674/8308378.

45 Армійський офіцер зв'язку з СД був призначений у підрозділ розвідки (Іс) штабу армії. Див. наказ від 30 липня 1941 р., КТВ АОК 17 Іс/АО,

NA, RG 242, T-501/R 674/8308378.

46 АОК 6, наказ від 10 серпня 1941 р., КТВ SD454, Anlage, NA, RG-242, T-315/R 2215/0000959. Приблизно в цей час Райхнер також мав зустріч із делегацією командування армії та 1-ї бригади СС та визнав значні успіхи, яких було досягнуто внаслідок працевлаштування офіцерів та персоналу ЕК2 в районі Коростеня. Рапорт 16 серпня 1941 р., 41, 1-ша бригада СС, КТВ Kommandostab RFSS, записи RFSS, Прага (копія у USHMM, RG 48.0004M, reel 1).

47 Рапорт про події EGC від 20 серпня 1941 р., NA, RG, T-175/R233/2721995.

48 Наказ Райхенау від 10 жовтня 1941 р., схвалений Гітлером та розповсюджений на рівні батальйонів. NA, RG 242, T-315/R 2216/00283.

49 КТВ Kommandostab RFSS, МНІ, Прага, carton 1 (копія у USHMM, RG 48.004M, reel 1); також див.: Büchler, «Kommandostab Reichsführer-SS», 17-18.

50 Як уже згадувалося, міський комендант Житомира Йозеф Рідль використував одну роту 82-го батальйону орпо для виконання завдань поліції у перші тижні окупації, станом на 19 липня. До батальйону орпо долучились бригади таємної польової поліції (Geheime Feldpolizei) та формування Landeschützenverbände. Див. запис у журналі бойових дій від 3 вересня 1941 р. та розпорядження по дивізії (Divisionbefehl) від 26 липня 1941 р. в КТВ SD454, NA, RG 242, T-315/R 2215/000412-14, 000446 та 000890.

51 Див.: КТВ Vfh.rückw.H.Geb.Süd., «10-tägige Meldung», 29 липня 1941 р., NA, RG 242, T/501/R 5/000519.

52 Батальйон орпо Вроцлава був одним із дев'яти моторизованих батальйонів, підпорядкованих відділу безпеки армії, що не «виконують свої завдання на основі базових наказів» Гімлера. Інші батальйони орпо в житомирському краї (номери 318, 45, 311, 314) отримували накази від головнокомандувача СС та поліції Єкельна. Наказ Гімлера від 21 травня 1941 р. стосовно частин орпо на сході опубліковано у: *Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941-1945*, 99-100. Див. завдання орпо 82 (Вроцлав) у КТВ SD454, 16 травня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2215/000392.

53 Інструктаж 454-ї охоронної дивізії про страти комісарів та поведінку військових частин у Росії був проведений 20 та 21 червня 1941 р.; КТВ SD454, NA, RG 242, T-315/R 2215/000393-394.

54 Командувач тилового району групи армій «Південь» писав, що в операціях із зачистки між Фастовом та Овручем Єкельн мав співпрацювати із підрозділами 454-ї охоронної дивізії; 8 вересня 1941 р., КТВ Vfh.rückw.H.Geb.Süd., NA, RG 242, T-501/R 5/000894. Див. рапорт розвідки про військову секретну польову поліцію та перевірку і роботу підрозділів HSSPF із цивільним населенням та «рівні» стосунки із СД; 1-8 серпня 1941 р., КТВ Vfh.rückw.H.Geb.Süd., NA, RG 242, T-501/R 5/000663-4. 213-та охоронна дивізія координувала операції із HSSPF на північний схід від Звягеля (Новоград-Волинського) та в Рівному; КТВ Vfh.rückw.H.Geb.Süd., NA, RG 242, T-501/R 5/000681-2, 000694-95.

55 Ereignismeldungen der Einsatzgruppen und -kommandos, 22 липня 1941 р., NA, RG 242, T-175/R 233/3. журнал бойових дій 454-ї охоронної дивізії свідчить про захоплення 1486 цивільних та військовопо-

лонених у період із 29 липня по 16 серпня 1941 р.; з них 78 були євреями, яких вбили за відсутність пов'язки на руці, за «допомогу» партизанам або за приховування зброї. Піхотний полк 375 також діяв на болотах Прип'яті 3 вересня 1941 р. за підтримки L.S.Vtl 566; KTB SD 454, NA RG 242, T-315/R 2215/000385-469.

56 KTB SD 454, NA, RG 242, T-315/R 2217/000222-219.

57 SD444 у Вінниці, як SD454 у Житомирі, виходили на «операції із зачистки» в ліси та села, які були, за твердженнями місцевих, партизанськими районами. Про акцію в Хмільнику див.: Fernspruch, 5 серпня 1941 р. та рапорт Рока до ОКН Gen Qu, 10 серпня 1941 р. стосовно «Säuberung des noch unsicheren Gebietes», див.: KTB Vfh.rückw.H.Geb.Süd., NA, RG 242, T-501/R 5/000639 та 000661-662.

58 Divisionsbefehl від 22 серпня 1941 р., KTB SD 454, NA, RG 242, T-315/R 2216/00003.

59 у військових рапортах, що стосуються «кампаній із зачистки», німці були

схильні використовувати поняття «партизан», «повстанець», «комісар», «більшовик» та «єврей» як синоніми. Така плутанина термінів призвела до певного нерозуміння того, як слід ділити на категорії полонених

та які дії вживати по відношенню до них. Див.: Fernspruch SSD 444 від 5 серпня 1941 р., KTB Vfh.rückw.H.Geb.Süd., NA, RG 242, T-501/R 5/000639. АОК17; KTB, 30 липня 1941 р.; стосовно поводження із цивільними ворогами (партизанами, молодіжними бандами) та російськими військовополоненими див.: NA, RG 242, T-501, roll 674, frames 8308400-401. Цей термін, «Freischärler», було використано в списку

призначених до страти, відповідно до визначеного у передокупаційних «Вказівках» та «Наказі про комісарів»; див.: *Anatomie des SS-Staates*, ed. Buchheim et al.,

2:192. Про використання нечіткої термінології як про спробу свідомого приховання злочинів див. твердження Ернста Оскара Конзее (Ernst Oscar Consee), 19 березня 1964 р., судовий процес на Куно Каллсенном, BAL, 204 AR-Z 269/1960.

60 Див. лист Рока до Генерального штабу ОКН, «10-tägige Meldung», 20 серпня 1941 р., KTB командувача тилового району групи армій «Південь», NA, RG 242, T501/R 5/000970.

61 дії 1-ї бригади СС разом із АОК 6 у Житомирі найкраще показують переплетення цілей армії та СС щодо «пацифікації» територій шляхом убивства та утримання цивільних (майже усі були євреями) та військовополонених. Німецькі рапорти часто не згадували, чи євреї були чоловіками, жінками або дітьми. З питання таких масштабних «операцій зачистки» див. журнал бойових дій штабу RFSS, МНІ, Прага, папка 1 (копія у USHMM, RG 48.004M, reel 1), а також журнал бойових дій Vfh.rückw.H.Geb.Süd, NA, RG 242, T-501/R 5/000557-60. У своєму «Einsatzbefehl» HSSPF Єкельн писав, що під час антипартизанської акції щодо жінок-підпільниць та євреїв необхідно вживати «відповідних дій» – страчувати, напр., наказ Єкельна від 25 липня 1941 р. у KTB Vfh.rückw.H.Geb.Süd, NA, RG 242, T-501/R 5/000559-60.

62 Arad, Krakowski, Spector, eds. *The Einsatzgruppen Reports*, 134.

63 Див. звіт Маркулла (FK 675) перед SD 444, 2 серпня 1941 р., с. 5, та від 25 серпня 1941 р., с. 3, РГВА, 1275-3-662 (копія у USHMM, RG 2.001M13, reel 92).

64 Після появи рапортів про облави 213-ї охоронної дивізії та бригад СС в Емільчиному, 20 серпня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 5/000694 та

000970, HSSPF Єкельн зустрівся з офіцерами 6-ї армії в Житомирі 23 липня 1941 р. для обговорення акції зачистки, призначеної на 24 липня, в лісах поблизу Шепетівки; NA, RG 242, T-501/R 5/000543 та 000894-5. 1-шу бригаду СС було дозволено для використання АОК 6 для виконання спеціальних завдань із безпеки на територіях тилу; серпень 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 5/000695.

65 Українці в селах також могли виявляти чужинців і питали німецьку владу, куди цим чужинцям слід було йти. Спершу, можливо, українці не усвідомлювали, що їхні запити були фатальними для чужинців; але коли вони почали розуміти цей факт, дехто намагався переховувати військовополонених. Panzergruppe IIC/AO, 20 липня 1941 р., NA, RG 242, T-314/R 1146/000606. Розмова автора з Павлом Горлачем, родина якого переховувала військовополоненого з Росії.

66 Див.: «Operational Situation Report USSR no. 86», 17 вересня 1941 р., айнзацгрупа С, у: *The Einsatzgruppen Reports*, eds. Arad, Krakowski, Spector, 56.

67 Згідно із замітками Борманна зі зборів від 16 липня 1941 р., Гітлер заявив: «Dieser Partisanenkrieg hat auch wieder seinen Vorterril; er gibt uns die Möglichkeit auszurotten was sich gegen uns stellt». N. Müller, ed. *Die faschistische Okkupationspolitik*, 161. Це питання також розглядається у: Büchler, Kommandostab Reichsführer-SS, 14.

68 Див. рапорт полку піхотинців 375 від 9 серпня 1941 р. у: КТВ SD 454 Anlage, NA, RG 242, T-315/R 2215/000935-36.

69 Streit, *Keine Kameraden*, 350, n. 193.

70 Документ № 25, «Житомирщина в період...», 74. Це «повторне видання» вісника від серпня 1941 р. називає співучасників у влаштованих німцями тортурах «українськими петлюрівцями, націоналістами».

71 Gross, *Neighbors*.

72 Наказ АОК 17 від 10 серпня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 674/8308393.

73 Наказ по додатковій дивізії № 49 (без дати) про дії щодо цивільних в'язнів, КТВ SD 454, NA, RG 242, T-315/R 2216/000063-64.

74 Там само. Офіцер також зазначив, що не можна було звільняти нікого родом із територій на північ від Житомира поблизу транспортного маршруту армії; це був критично важливий маршрут поставок провіанту для 6-ї армії, яка втрачала темп у своєму наступі на Київ, і цей маршрут також був ціллю атак радянської сторони.

75 Berkhoff, «The 'Russian' Prisoners of War in Nazi-Ruled Ukraine», 1-32; Dallin, *German Rule*, 409-411.

76 директива ОКВ від 16 червня 1941 р., NA, RG 238, NOKW-549 та Dallin, *German Rule*, 418.

77 Gerlach, *Calculierte Morte*, 44-47.

78 Streit, *Keine Kameraden*, 70-79, 169.

79 наказ ОКН, «Behandlung feindlicher Zivilpersonen und russischer Kriegsgefangener im rückwärtigen Heeresgebiet», 25 липня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2215/000919-922. Також див. таємний наказ Рока розстрілювати військовополонених, якщо ті не виконали наказ німців здатися владі, «Befriedungsmassnahmen» від 29 липня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 5/000476.

80 див. табори, вказані в записі від 25 липня 1941 р., журнал бойових дій 454-ї охоронної дивізії, NA, RG 242, T-315/R 2215/000415.

81 Стационарний табір 358 було створено в Житомирі 15 вересня 1941 р., і він проіснував до евакуації у листопаді 1943 р. Післявоєнне слідство у справі працівників стационарного табору 358 відбулося в західній Німеччині, Дортмундське слухання 45 Js 13/69, BAL, 319 AR-Z2/69, але судового процесу по ньому не було. Підрозділ стационарного табору 258, розташований у Бердичеві, знаходився у колишніх радянських військових казармах на окраїні міста. Підрозділ стационарного табору 329 (Вінниця) також ввели в дію в Бердичеві, куди переводили військовополонених із Дарниці, що поблизу Києва, аж до літа 1943 р. Справа проти Фрідріха Бекера (офіс СД у Бердичеві), BAL, AR-Z 129/67, vol. 4, 915-917.

82 Власова доставили туди наприкінці липня 1942 р., щоб розпочати переговори з представниками нацистської еліти щодо утворення армії. З питання Власова та табору для «визначних» поблизу Вінниці, де «було близько 80-100 в'язнів, до яких ставилися відносно добре і забезпечували харчуванням на рівні із німцями», див.: Andreyev, *Vlasov and the Russian Liberation Movement*, 40-42. Також див. цілком таємний рапорт ОКН про військовополонених в операційних зонах та Румунії, 1 лютого 1942 р., WiID, Anlage 3, Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg.

83 Наказ ОКН, «Kriegsgefangenen-Arbeitseinsatz und -Abschluss» та Anlage, «Russische Kriegsgefangene» від 31 липня 1941 р., NA, RG 242, T315/R 2215/000651-652 та 000912-14.

84 див.: Anlage 2, «Russische Kriegsgefangene» (без дати; початок серпня?), КТВ SD 454, T-315/R 2215/000912-914. У цих вказівках Гайдріх наказав своїм загонам «не проводити страт в'язнів у таборах або поблизу них, окрім випадків, в яких такі страти були необхідними з огляду на підтримання дисципліни в таборах». Наказ Гайдріха від NMT, справа вищого командування XII (Лееб та інші), vol. 2, 9-11. Про накази Гайдріха, видані влітку та восени 1941 року див. копії його Einsatzbefehle 8, 9 та 14 у: *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion*, ed. Klein, 331-341, 355-360.

85 Під час завоювання перші німецькі рапорти, що стосуються військовополонених, у деяких випадках згадують велику кількість азіатів у лавах Червоної армії. Як расова група, такі особи були приречені нацистами на знищення. Їх відділяли від інших військовополонених та вбивали разом із євреями; проте за інформацією СС та з документів армії від 1941 р. не відомо, скількох було захоплено і вбито в житомирському регіоні. Див. інструкції щодо поводження із військовополоненими, КТВ SD454, серпень 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2215/000912; також 60 Inf.Div Ic до 48-ї АК, 13 липня 1941 р., T-314/R 1146/000424.

86 Також Фройхте засвідчив про таке: «Євреїв, яких ми тримали окремо в таборах, без винятку розстрілювали загонами служби безпеки, які прибули згодом». NMT, High Command Case XII, vol. 2, 15-17.

87 Меморандум д-ра Летша, радника міністра з питань праці Райху, нарада від 5 грудня 1941 р. NMT, High Command Case XII, vol. 10, 1090.

88 Тих, хто працював в операційних зонах, призначали на виконання більш небезпечних робіт, таких як спорудження копалень. Праця військовополонених на територіях тилу загалом стосувалася будівництва та відновлення об'єктів. Дивіться лист SD 454 Ia до комендантів стационарних та тимчасових таборів щодо кваліфікованих працівників та спеціалістів із середовища військовополонених, 25 липня 1941 р., КТВ SD 454 Anlage, NA, RG 242, T-315/R 2215/000889.

89 Наприклад, два трудові загони чисельністю триста військовополонених були взяті із житомирського тимчасового табору на вуличні роботи під керівництвом компанії Тодта. Див. запис з журналу бойових дій від 12 вересня 1941 р., КТВ SD 454, NA, RG 242, T-315/R 2215/000453. Звільнені українські військовополонені, які не могли повернутися в рідні міста, були першими, з числа яких сформували трудові загони; див.: АОК 6 O.Qu., «Befehl zur Bildung von ukrainischen Arbeitskompanien», 23 серпня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2216/000010-11.

90 Відновлення шляхів було основним пріоритетом, оскільки зміна ширини російських залізничних шляхів для німецьких потягів здійснювалась не досить швидко, щоб задовольнити потреби у транспорті. Станом на 3 жовтня 1941 р. єдиним залізничним маршрутом, що мав німецькі стандарти, була лінія від Бердичева до Житомира; інші маршрути до Києва чи на північ до Овруча не могли використовуватись. Див. карту від 3 жовтня 1941 р., КТВ SD 454 Anlage, NA, RG 242, T-315/R 2216/000218. Проте залізниця від Звягеля через Житомир до Києва була в доброму стані.

91 Про військовополонених та будівництво доріг див.: SD 454 (дата нерозбірливо) вересень 1941 р., наказ SD 454, КТВ VfH.rückw.H.Geb. Süd, NA, RG 242, T-501/R 5/000608 та 000879-880.

92 Щодо розміщення сільських комендантів Вермахту біля тимчасових трудових таборів, див.: SD 454 Anlage, NA, RG 242, T-315/R 2216/000198. Про табір військовополонених у Гнівани див. допит колишнього коменданта табору Карла Кленка, BAL, 204 AR-Z188/67, vol. 1, 94-98, 260-285.

93 Накази генерального штабу ОКН стосовно «Kriegsgefangenen-Arbeitseinsatz und -Abschluss» від 31 липня 1941 р., у КТВ SD 454 Anlage, NA, RG 242, T315/R 2215/000651-653.

94 Пораненим або хворим військовополоненим не надавалась жодна допомога з боку німців, їх полишали вмирати серед інших в'язнів або страчували. Їх відокремлювали, як «непридатних» для праці, а деяких поміщали у «військові шпиталі» або у спеціальні частини таборів, які були, наприклад, у Бердичеві. Група поранених військовополонених у Бердичівському таборі дожила до грудня 1942 р., коли СД віддало наказ стратити їх, але деякі втекли під час перевезення до місця страти; див.: USSR-311, матеріали 5-19 лютого 1946 р., ІМТ, vol. 7, 406.

95 Після того як ці тисячі людей були залишені на певний час у непридатних для життя умовах табору просто неба у Звягелі (Новоград-Волинський), тих, хто вижив, пішки відправили до стаціонарного табору в Шепетівці. Див.: «Bericht» майора Мюнхау з 213-ї охоронної дивізії, 13 серпня 1941 р., КТВ VfH.rückw.H.Geb.Süd, NA, RG 242, T-501/R 5/000681. У Гайсині, де населення складало понад п'ятнадцять тисяч осіб, у місцевому тимчасовому таборі перебувало щонайменше п'ять тисяч військовополонених. Рапорт АОК 17 від 17 серпня 1941 р., NA, RG 242, T-501/R 5/000707.

96 6 жовтня 1941 р. дванадцять тисяч військовополонених із Києва транспортовано до Житомира; подальші вимоги перевести більше полонених до Житомира були відхилені місцевими комендантами у зв'язку із переповненням таборів. КТВ SD 454, NA, RG 242, T-315/R 2216/000169. Цифру 600 000 радянських полонених подає Штрайт у праці: *Keine Kameraden*, 152.

97 Щодо наказу Рахенау від 31 жовтня 1941 р. див.: Berkhoff, «The 'Russian' Prisoners of War in Nazi-Ruled Ukraine», 6. Цей наказ з'явився після того, як військовослужбовці нижчого рангу почали розстрілю-

вати військовополонених під час вересневих походів.

98 Цей перехід завершився в Бердичеві, тому що в'язні були виснаженими до краю і не могли рухатись далі до Шепетівки. Офіцер SD 454 висловив жаль з приводу того, що в'язнів у такому жахливому стані бачили місцеві жителі; він вважав, що це було привселюдним соромом для армії. Див.: SD 454 Abt. Ic до Vfh.rückw.H.Geb.Süd, Betr: «Transporte von Kriegsgefangenen», 19 серпня 1941 р., KTB SD 454, NA, RG 242, T-315/R 2217/000163. Про марші смерті див.: Berkhoff, «The 'Russian' Prisoners of War in Nazi-Ruled Ukraine», 5-6.

99 Див. рапорт до генерала Томаса стосовно військовополонених на окупованих територіях, 29 листопада 1941 р., NA, RG 238, IMT, PS-2174.

100 Телеграма начальника гестапо Мюллера про рівень смертності серед військовополонених, RG 238, IMT, 1165-PS. Вермахтсбефельсхабер Rku генерал-лейтенант Кіцінгер у грудні повідомив, що смертність серед в'язнів складала 2500 осіб на день. Цей рівень зріс у грудні до 4300 смертей на день. Див.: Streit, *Keine Kameraden*, 113.

101 Rosenberg, «Vermerk über Unterredung beim Führer am 14 Dec. 1941», NA, RG 238, PS-1517.

102 Див. рапорт 6-ї армії, «Befehl zur Bildung von ukrainischen Arbeitskompanien», 23 серпня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2216/000011.

103 Berkhoff, «The 'Russian' Prisoners of War in Nazi-Ruled Ukraine», 1-32; Dallin, *German Rule*, 9.

104 «Голос Волині», 22 липня 1941 р., із матеріалів радянського слідства
воєнних злочинів у Житомирі, передруковано в: Klee and Dressen, *Got mit Uns*, 37. Цей інцидент в Богунії детально описаний у матеріалах українського радянського дослідження обставин окупації, «Житомирщина в період...», 18-19, 27-40. Щодо експерименту в Звягелі, див. допит Августа Хефнера, 6 липня 1965 р., та допит Ернста В. Бьорнеке, 5 листопада 1965 р., справа Куно Каллсена, BA1, 207 AR-Z 419/62. Див.: Gerhard Panning, «Wirkungsform und Nachweis der sowjetischen Infantriesprengmunition», *Der Deutsche Militärarzt*, січень 1942 р., бібліотека Конгресу, мікрофільм 0184. Паннінг згодом повернувся до регіону в 1943 р. у рамках судово-медичної групи, яка вивчала ексгумовані тіла жертв сталінських репресій у Вінниці. Див.: Herber, *Gerichtsmedizin unterm Hakenkreuz*, 274-276.

105 Останні цифри щодо вбитих полонених лише у Житомирській області (що охоплює близько половини населення німецького комісаріату) варіюються між 101 293 та 101 900; те, що кількість убитих сягнула понад 100 тисяч, було визначено меморіальною комісією в Житомирі 1988 року. Див.: «Стривожена пам'ять», 209, 240.

106 Рівень смертності в бердичівському таборі в грудні 1941 р. висвітлено в рапорті тилу групи армій «Південь», 20 грудня 1941 р., NMT, NOKW-1605. Через рік цей табір, що був колишніми російськими казармами, все ще був пристановищем деяких поранених військовополонених, близько вісімдесяти яких стратили місцеві загони СД під командуванням гауптштурмфюрера СС Кальбаха та командира СС Фріца Кнопа; див. справу № 490 (Нюльсдюнкерт та Кноп), «Justiz und NS-Verbrechen», vol. 16. Записи штабу зіпо-СД Бердичева про цей злочин також містяться в IMT, USSR-311. Післявоєнні радянські дослідники відкрили на Червоній Горі в Бердичеві чотири масових захоронення, в яких поховано 4832 тіла зі зв'язаними руками та ногами і роздробленими щелепами внаслідок вогнепального поранення або удару тупим предметом. Про 8000 військовополонених, розстріляних на Червоній горі силами СД, див. у свідченні Михайла

Пекеліса, справа проти Фрідріха Бекера, контора СД у Бердичеві, BAL, 204 AR-Z 129/67, vol. 2, 476 та vol. 4, 1024, 1035.

107 див. рапорт головного інспектора армії в Україні від 29 листопада 1941 р., в якому критикувалися вбивства євреїв та військовополонених як марнування кваліфікованої робочої сили. IMT, NA, RG 238, PS-2174. Конфлікти з приводу політики щодо військовополонених у період літа-осені 1941 року більш детально описані у: Streit, *Keine Kameraden*, 191.

108 див. наказ штабу 17-ї армії від 7 липня 1941 р., NA, RG 242, T5501/R 674/8308428; Гітлер заперечував проти звільнення українців. Згодом Кох звинуватив військових у створенні партизанського руху внаслідок звільнення військовополонених; IMT, NA, RG 238, 1193-PS. Загроза хвороб також була взята за аргумент проти звільнення. Станом на початок жовтня звільнення військовополонених було заборонене; див. накази дивізії, KTB SD 454 anlage, NA, RG 242, T-315/R 2216/000286.

109 Dallin, *German rule in Russia*, 413. Berkhoff, «The 'Russian' Prisoners of War...», 17.

110 Наказ АОК 6 від 24 липня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2215/000888-889. Формування інструкцій щодо української поліції у: KTB SD 454 Anlage, NA, RG 242, T-315/R 2215/000917-8 та T-315/R 2216/000098-101. див. Divisionsbefehl, «Enlassung von Kriegsgefangenen», 8 серпня 1941 р., KTB SD 454, T-315/R 2216/000089, та вказівки квартирмейстера, Befh.Rückw.H.Geb.Süd, відповідно до наказів ОКН про звільнення військовополонених від 11 серпня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2215/000985-6.

111 ця цифра взята з: Garrard and Garrard, *The Bones of Berdychiv*, 10-11.

Дякую авторам книги за надіслану копію відповідного німецького документа, рапорту Генерального штабу ОКН про військовополонених від 20 лютого 1942 р. У цьому рапорті також повідомляється про те, що у січні 1942 р. у таборах для військовополонених у розпорядженні групи армій «Південь» загинуло або було розстріляно 24 861 військовополонених. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg, WIID/33,94.

112 Велика кількість звільнених українців, цифра, подана підрозділом Вермахту, також певним чином неточна, адже в документах німців застосовується формулювання «звільнений», у той час як велику кількість полонених було повторно заарештовано за межами таборів. Наприклад, у Бердичеві після оприлюднення офіційного наказу стосовно військовополонених-українців комендант тимчасового табору також отримав усний наказ про повернення назад до табору звільнених військовополонених, що блукали по дорогах. Очевидно, багато із військовополонених використовували підроблені посвідчення особи, і батальйон 82 служби охорони порядку було вислано на патрулювання з метою повторної перевірки особи цих в'язнів. Див. накази SD 454 до начальників місцевих тимчасових та стаціонарних таборів, 1-9 вересня 1941 р., KTB SD 454, NA, RG 242, T-315/R 2216/000449-50.

113 див. наказ по частині (Tagesbefehl) головнокомандувача поліції громадського порядку (VdO (Befehlshaber der Ordnungspolizei) від 2 лютого 1942 р., передрукований у Rku «Amtliche Mitteilungen», випуск за лютий 1942 р., 13, у ЦДАВОУ, 3206-6-2 (копія у USHMM, RG31.002M, reel 6).

114 Оперативний наказ Гайдріха № 8 від 17 липня 1941 р. (350 його копій було розповсюджено між керівниками СС-поліції та армійськими командирами). Повторно надруковано в NMT, High Command Case XII, vol. 2, 5.

115 див.: N. Müller, *Die faschistische Okkupationpolitik*, документ № 52.
Arad, Krakowski, Spector, eds. *The Einsatzgruppen Reports*, 3 листопада 1941 р., 211-212, 218-220; меморандум Райхенау від 10 жовтня 1941 р., NA, RG 242, T-315/R 2216/000283.

116 див.: Jan Philipp Reemtsma, «The Concept of the war of Annihilation: Clausewitz, Ludendorf, Hitler» у *War of Extermination, Hitler Strikes Poland*, 136-137. Стосовно Першої світової війни, див.: Horne and Kramer, *German Atrocities, 1914*, 419-431.

117 Isabel V. Hull, «Military Culture and the Production of 'Final Solutions' in the Colonies» у *The Specter of Genocide*, ed. Gellately and Kiernan, 161-162.

118 Bartov, *The Eastern Front, 1941-1945 та Hitler's Army*. Попередні дослідження – спершу обвинувачувачів у справі ХІІ про вище командування НМТ, а потім німецьких істориків (наприклад, Штрайт, Якобсен, Крауснік, Мессершміт та Фостер) – пояснили злочини та ідеологічне підґрунтя Вермахту. Сьогодні злочини Вермахту все ще залишаються темою публічних виступів та конфліктів у Німеччині; див.: Heer and Naumann, eds. *War of extermination*

www.zwiahel.uco.edu